

Северо-Запад

Annotation

Спасаясь от врагов, Конан проезжает через затерянное в Туманных горах Турана поселение зловещего народа вершин...

- [Лайон Спрэг де Камп, Бьёрн Ниберг.](#)
-

Лайон Спрэг де Камп, Бьёрн Ниберг. Люди Туманных гор

Узкое ущелье окружали вздымающиеся вверх изрезанные склоны бурых скал, опаленных солнцем и покрытых редкими пятнами лишайника. Два воина на конях мчались в этом горном проходе, нахлестывая своих жеребцов и с тревогой поглядывая на окружавшие их каменные стены. Их наряд — красные рубахи и белые шаровары, сейчас грязные и пропотевшие, — выдавал принадлежность к туранской пограничной страже; их головы венчали шлемы, окутанные тюрбанами, широкие концы которых спускались вниз, чтоб защитить лицо от солнца и пыли. Внезапно один из всадников, широкоплечий гигант с яркими синими глазами, из-под шлема которого спадала на плечи тяжелая спутанная грива черных волос, сделал знак рукой, и его спутник, небольшого роста худощавый туранец, натянул поводья и резко остановил скакуна, удивленно взглянув на товарища.

— В чем дело? — воскликнул он. — Мы не можем сейчас остановиться! Проклятые козгары, потомки свиньи, все еще сидят у нас на хвосте!

— Лошадям нужен отдых, Джамаль, — сказал рослый всадник, видимо, командир, о чем свидетельствовала нашивка в форме изогнутой золотой сабли на рукаве его рубахи, знак чина ун-бashi, десятника. Отбросив с лица край тюрбана, он ласково похлопал покрытую пеной морду своего жеребца. Его бока тяжело поднимались и опадали; похоже, несчастное животное едва держалось на ногах. В глазах синеглазого гиганта промелькнуло сочувствие, затем выражение его лица изменилось, и он со злобой сплюнул на камни.

— И все из-за этого посла! — прорычал он. — Копыта Нергала ему в задницу, зачем его понесло в селение козгаров? Я сто раз предупреждал ублюдка: доверять им нельзя — нельзя ни в коем случае! А этот болван только и думал, что о торговых договорах да караванных путях... Ну, и доигрался! Теперь его башка торчит перед алтарем козгарских жрецов, а рядом — головы семи наших парней.... Ну, ладно, посол — недоумок, но куда смотрел наш сотник, ок-бashi? Он-то должен был знать, что представляют собой обещания козгаров!

— А что ему было делать, Конан? — возразил второй всадник.

— У ок-бashi был приказ — во всем подчиняться посланнику и охранять его. Ты же знаешь, как с ним поступили бы, если б он не подчинился — сорвали перед строем знак власти сотника да высекли! Был ок-бashi, а стал простой воин с исхлестанной плетьми задницей!

— По мне так лучше быть простым солдатом, но с головой на плечах, — буркнул Конан. — Нам с тобой повезло, приятель, что мы удрали оттуда. Теперь еще бы избавиться от погони... подожди-ка! — Рослый синеглазый ун-бashi внезапно прервал свою речь и предостерегающим жестом поднял руку. — Ты слышал какой-то шум? Во имя Крома! Что это может быть?

Привстав в стременах и наполовину вытащив из ножен кривую саблю, он внимательно вглядывался в окружающие всадников склоны ущелья. Джамаль провел рукой по притороченному к седлу копью, потом выхватил из-за спины лук и подготовил стрелу.

Внезапно Конан спрыгнул с коня и метнулся к торчавшей слева скале. У себя на родине, в Киммерии, что лежала далеко на севере от знайного Турана, он съязмальства привык лазать по отвесным скалам, и сейчас ловко, как белка, начал карабкаться на остроконечный пик.

Добравшись до гребня утеса, он осторожно высунул голову и тут же резко отшатнулся в сторону: его череп едва не разнесла тяжелая дубинка. Второй удар неведомый противник нанести не успел — киммериец мгновенно подтянулся, перекатился на бок и, вскочив, перехватил его руки.

Каково же было изумление Конана, когда он понял, что в сильных его объятиях бьется, тщетно пытаясь вырваться, девушка — причем ни грязное лицо пленицы, ни растрепанные пыльные волосы не могли скрыть ее удивительной красоты, а стройная фигура была достойна резца лучшего скульптора.

— Кром! Кто ты? — удивленно произнес киммериец. — И как очутилась в этих горах?

— Меня зовут Шания, я дочь Шафа Караза, и эти горы — владение моего отца, верховного вождя козгаров! — гневно блеснув на варвара нефритовыми глазами, ответила девушка. — И если ты в сей же миг не уберешь свои грязные лапы, то горько пожалеешь об этом!

Конан ухмыльнулся.

— Хмм... Дочь вождя, говоришь? верховного вождя? А почему такая важная птичка в столь неподобающем виде болтается в столь неподходящем для нее месте?

— Когда я охочусь, никому из нашего племени и в голову не придет показаться поблизости, пес! Все козгари знают, как страшен гнев моего

отца! И все обходят эти места стороной. А теперь, туранская собака, отпустишь ты меня или нет?!

Девушка снова рванулась, но разомкнуть стальное кольцо рук киммерийца было не так-то легко.

— Конечно, отпущу, красавица, только немного попозже. Видишь ли, у нас, у меня и моего приятеля, возникли кое-какие неприятности, и мне показалось, что если с нами будешь ты... словом, так мы гораздо успешней доберемся до безопасного места. Мы направляемся в Самарру, и я надеюсь, что ты, достойная Шания, не откажешься прокатиться на крупе моего скакуна. Прокатиться добровольно! Потому что в ином случае ты проделаешь тот же путь, только связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту.

— Мерзавец! — прошипела девушка, но, бросив быстрый взгляд на незнакомца, поняла, что он не шутит, решила попробовать иную тактику.

— Хорошо, я согласна, — быстро проговорила она. — Но если ты думаешь, что это сойдет тебе с рук...

— Хочешь напугать меня, красотка? Не выйдет! Несколько десятков ваших воинов уже пытались сделать это — только, как видишь, нам с Джамалем их старания не помешали. По-моему, ваши лучники не способны попасть в лошадиную задницу, не то что в глаз человеку... Что, их не учили как следует стрелять? — Конан усмехнулся и добавил: — Ну, хватит болтовни, красотка, мы и так уже задержались. И помни: сиди смирно, а коль попробуешь подать голос, ротик мы тебе заткнем очень быстро.

Лицо девушки исказила гневная гримаса; видно было, что гордая красавица едва сдерживается, чтобы не вцепиться в лицо дерзкому похитителю.

— Эй, ун-бashi! В какую сторону поедем? — подал голос спутник Конана.

Варвар пожал плечами.

— Я думаю, нам лучше направиться на юг — неохота мне возвращаться назад, даже прикрываясь заложницей. А там двинемся по дороге на Тарму, достигнем Туманных гор, минуем перевал Бханбар и через пару дней будем в Самарре.

При этих словах киммерийца девушка вздрогнула. Повернувшись к нему, она заговорила прерывающимся от волнения голосом:

— Видно, ты потерял остатки разума, туранский пес! Тебе так надоела твоя собачья жизнь? Только сумасшедший может вообразить, что пройдет через Туманные горы! Ты что, никогда не слышал о народе вершин? Это их

владения, и никому еще не посчастливилось возвратиться оттуда живыми! Владыки Турана много лет назад пытались вытеснить их оттуда, но лишь теряли свои армии, ибо народ вершин владеет страшными колдовскими чарами, одолеть которые никому не под силу. К тому же под их властью находятся какие-то ужасные чудища... Заклинаю тебя: ради наших жизней забудь о Туманных горах!

Спокойно выслушав сбивчивую речь козгарской красавицы, Конан беспечно усмехнулся.

— Я уже сотни раз слышал эти страшные сказки про колдунов, колдовские чары и чудовищ. Не думаю, что встретиться с ними доставило бы мне удовольствие — если, конечно, они в самом деле существуют, — но, видишь ли, нам нужно выбрать самый короткий путь. Иначе по возвращении мне не миновать плетей или чего похуже — наш тысячник очень не любит, когда его люди болтаются Нергал знает где. И, кроме того, если твои козгари верят в чудища, магию и колдовство, они вряд ли сунутся за нами в горы. Клянусь Кромом, меня это вполне устраивает! Так что хочешь ты того или нет, но поедем мы через владения этого народа вершин.

И киммериец, одним движением закинул девушку в седло, дернул поводья своего скакуна. Джамаль последовал за своим ун-бashi, и мертвую тишину ущелья снова нарушил звонкий цокот копыт.

* * *

— Я ничего не вижу в этом проклятом тумане, — встревожено сказал Джамиль. — он густой, как молоко, и вязкий, словно кунжутовое масло!

Узкая тропинка, по которой двигались путники, просматривалась лишь на несколько шагов. Их кони, повинуясь животному инстинкту, двигались очень осторожно, то и дело останавливаясь и боязливо прядая ушами.

Все чувства Конана были обострены до предела. Одной рукой он держал наготове обнаженную кривую саблю, другой обнимал прекрасную пленницу. Вдруг девушка испуганно вскрикнула.

Прижавшись к груди киммерийца, она прошептала:

— Там, впереди! Я только видела кого-то, но это нечеловек!

Пытаясь заглушить собственную тревогу, он насмешливо спросил:

— Что могло так напугать отважную дочь владыки козгаров?

Но не успели они проехать и нескольких шагов, как увидели прямо перед собой страшную картину.

К скале слева от тропинки был привязан человеческий скелет. Выбеленные дождями и ветром кости были переплетены ссохшимися кожаными ремнями, череп лежал рядом на земле, и над его пустыми глазницами зияла огромная трещина; видимо, человеку проломили висок ударом топора или боевого молота.

Внезапно до путников донеслась жуткая какофония звуков — нечеловеческий хохот сменялся хриплым рычанием и стонами, переходившими в жалобный визг. Еще теснее прижавшись к киммерийцу, Шания в тревоге воскликнула:

— Это они, демоны народа вершин! Никому не удалось живыми вырваться из их лап! Ну, теперь ты доволен, глупец? Еще до захода солнца наши тела будут валяться здесь, рядом с этим скелетом! Зачем ты не послушал меня? Зачем? Я не хочу, не хочу умирать!

По спине Конана пробежала холодная дрожь, в глазах потемнело.

Однако, взяв себя в руки, он сказал с нарочитым спокойствием:

— Теперь уже поздно о чем-то жалеть и оплакивать нашу судьбу. Едем вперед, и если эти горластые твари осмелятся подойти поближе, то запоют совсем по-другому.

Киммериец тронул поводья, и тут за его спиной раздался страшный грохот. Он стремительно обернулся, вздымая клинок, и в этот же момент почувствовал, как плечи сидевшей перед ним девушки захлестнула брошенная кем-то невидимым петля аркана. Сдавленно вскрикнув, Шания полетела на землю и сразу же скрылась в густом тумане. Конь киммерийца встал на дыбы, и Конан не смог удержаться в седле; испуганное животное, освободившись от двойной ноши, умчалось вперед, тоже исчезнув за пологом белесой мглы.

Вскочив на ноги, киммериец увидел, что позади него на тропу упал — или, скорее, был кем-то брошен — огромный валун, придавивший его спутника вместе с лошадью. Из-под камня виднелась только рука спутника вместе с лошадью. Из-под камня виднелась только рука Джамаля, все еще судорожно сжимавшая лук и колчан; под ней уже скопилась лужица крови.

— Я отомщу за тебя, приятель. Клянусь, отомщу! — пробормотал Конан, выхватывая из пальцев мертвого туранца лук и перекидывая за спину колчан со стрелами. Вскинув свой кривой меч, он приготовился встретить невидимого пока противника.

Острый слух и звериной чутье помогли киммерийцу избежать участия Шании — услышав тонкий свист брошенного аркана, он успел отпрянуть в

сторону. Затем в голове его мелькнула спасительная мысль: поймав в воздухе веревку и натянув ее, он издал придушенный вопль человека, горло которого захлестнула петля. Кто-то невидимый сильно дернул аркан, и киммериец, вцепившись в него, пополз прямо в туманную мглу.

Противник показался на глаза, когда Конана уже подтащили к скалам — правда, в тумане можно было разобрать лишь неопределенные и бесформенные силуэты. Но это не помешало киммерийцу, вывернувшись из схвативших его сильных рук, вонзить саблю в ближайшую из теней. Раздался яростный вскрик, и он понял, что лезвие рассекло живую плоть. Остальные смутные фигуры, выступив из тумана, в молчании окружили киммерийца.

Нападающие были просто невидимы и потому казались неуловимыми, словно призраки; вести с ними бой было непросто. Нанеся удар, они тут же скрывались за туманной завесой, и снова появлялись в самом неожиданном месте. Однако, отразив несколько десятков выпадов и не раз обагрив свой меч кровью, Конан с облегчением сообразил, что искусством фехтования они не владеют, а пытаются одолеть его силой или нахрапом. Успокоившись на сей счет, он принялся издеваться над нездачливым противником:

— Ну что, ублюдки, довольны? Я вас и в тумане достану! Похоже, вы и меч-то в руках держать не умеете, а лезете в драку! Лезете к людям, что шли себе по тропе и никого не трогали. Придется поучить вас, вот только успеете ли вы освоить все премудрости? А дело-то простое: клинком под ребро — раз! по шее — два! Прямой выпад в горло — три! Теперь — в грудь, в брюхо, по хребту! И все!

После каждого удара одна из теней со стоном оседала на землю и больше уже не поднималась. Конан фехтовал искусно и хладнокровно. Наконец, когда еще один нападавший свалился мешком с перерезанной глоткой, оставшиеся в живых остановились, а затем бросились прочь, тут же исчезнув за густой пеленой тумана.

Переводя дыхание и отирая со лба обильную испарину, киммериец склонился над трупом одного из валявшихся на тропе противников. Из груди его вырвался непроизвольный возглас изумления: перед ним был не человек! Низкий, покатый, шириной меньше ладони лоб, маленькие, близко посаженные темные глазки, приплюснутый, с огромными вывернутыми ноздрями нос, гигантская нижняя челюсть... Без сомнения, перед ним на тропе валялась громадная обезьяна! Конан не впервые встречался с этими животными; подобных им четырехруких тварей он видывал в джунглях на южном побережье моря Вилайет, но те были с

головы до ног заросшими шерстью, эти же — совершенно бородатыми. Он мог рассмотреть чудище совершенно отчетливо, так как голый живот монстра обвивала толстая веревка, и, кроме нее, никакой одежды на нем не было.

Но где эта обезьяна взяла оружие? Ведь в лапе ее была зажата острий, как бритва, туранская сабля! И кто научил зверя обращаться с клинком? На такие вопросы киммериец ответить не мог, и тревоги его от этого не уменьшило.

От мертвого тела твари исходил острый мускусный запах. Конан принюхался и постарался его запомнить; теперь он даже в тумане сумел бы найти своих недавних противников.

— Придется спасать девчонку, — пробормотал он недовольным голосом. — Кром! Хоть она и из вражеского племени, но все же человек... не оставлять же ее в лапах этих голозадых тварей! Это было бы слишком!

И киммериец, принюхиваясь, широко раздувая ноздри, двинулся вперед по тропе.

* * *

Чем выше он поднимался в горы, тем менее плотной и густой становилась завеса тумана. Оставшийся после обезьян запах ясно указывал, что твари двигались зигзагами, видимо, стараясь запутать следы. Конан зловеще усмехнулся: это его не сбьет и не обманет! Теперь их роли переменились — из преследуемой дичи он превратился в охотника, и такое положение дел устраивало его куда больше. Он полагал, что сумеет справится с сотней голозадых; слишком они были неуклюжими и беспомощными перед его клинком и боевым искусством. К тому же у него имелся лук и полный колчан стрел!

Он двигался осторожно, но быстро, принюхиваясь и осматриваясь по сторонам. Время от времени сквозь туман проступали сложенные из больших камней курганы или грубые пирамиды — то были древние захоронения вождей туранских племен, некогда кочевавших в этих местах. Владыка Турана Ангарзеб в свое время послал целую армию в Туманные горы, дабы сохранить в неприкосновенности эти священные для туранцев могилы. Однако войска его были разбиты, и теперь ветер, дождь и солнце без помех трудились над древними камнями, оставляя на них свои

разрушительные следы.

Поднимаясь все выше и выше, Конан за очередным поворотом разглядел, что тропа тянется по узкому гребню скалы, по обе стороны которого зияли глубокие пропасти. А вдали сквозь туман уже смутно просвечивали контуры высокой и массивной башни, сложенной из цветного камня и, казалось, плывущей к нему словно мачта огромного корабля. Скорее всего, решил Конан, его голозадые противники скрылись именно там. Прежде чем предпринимать что-либо, киммериец спрятался за очередным надгробием, намереваясь сначала приглядеться, что происходит в этом странном и загадочном месте. Он довольно долго просидел, затаившись за камнями, но ничто не нарушало царившего вокруг безмолвия и покоя.

* * *

Когда Шания очнулась, то поняла, что лежит, полностью обнаженная, на постели, покрытой черным шелком. Подняв глаза, она увидела, что рядом с ее ложем, в дубовом кресле с резным орнаментом, расположился странный человек — такой, каких дочь вождя козгаров никогда раньше не встречала. Лицо незнакомца было мертвенно-бледным, на месте глаз зияли черные провалы, череп был лишен следов растительности. Он кутался в широкую хламиду, скрывавшую его фигуру от самой шеи до пят.

— Ты появилась здесь очень кстати, красавица, — заговорил странный человек резким свистящим шепотом. — Много лет в башне Шангара не было ни одной молодой женщины, а нам, людям Туманных гор, древней расе народа вершин, необходима свежая кровь. Ты красива, сильна и молода; ты родишь много прекрасных наследников — и мне, и моим сыновьям.

Девушку затрясло от ужаса и омерзения, но запугать гордую дочь племени козгаров было не так-то легко.

— И ты воображаешь, что я, дочь вождя, чьи предки были вождями в течении ста поколений, стану твоей наложницей и рабыней твоих ублюдков?! — гневно воскликнула она. — Да я скорее брошусь с обрыва в пропасть, чем подпушу к себе кого-нибудь из вас, мерзких псов! Выпусти меня отсюда, или, клянусь священным очагом, даже стены крепости не спасут тебя от копий козгарских воинов!

Губы незнакомца искривила презрительная усмешка:

— Глупая девчонка, о чем ты говоришь? О каких копьях, каких воинах? Нас надежно защищают туманы перевала Бханбар, так что забудь и думать о том, что кто-то из смертных придет к тебе на помощь. Ну, а если ты не проявишь должной покорности, тебе придется горько пожалеть, что ты родилась на свет! Думаешь обмануть судьбу, бросившись в пропасть? О, нет, нет! Тебя будет ждать куда более страшная участь!

Зловещая улыбка не сходила с его уст.

— Если не покоришься, твое прекрасное юное тело, твоя плоть будет отдана Безымянному — тому, кто долгие века наводит ужас на путников в Туманных горах, а теперь верно служит народу вершин. С его помощью были разбиты много веков назад войска правителя Турана, и остались от них только истлевшие кости да ржавые доспехи... Но в те дни народ вершин был многочислен и могуч, а сейчас нас осталось совсем немного... но страшиться нам по-прежнему некого: туманы и горы скрывают нас от нежеланных гостей, а если кто-то сумеет преодолеть всю преграду, Безымянный уничтожит дерзких пришельцев. Сейчас ты посмотрела на него, и у тебя не останется сомнения, какую судьбу избрать.

Человек с бледным лицом хлопнул в ладони, в комнате возникли двое его соплеменников, таких же бледных, но выглядевших моложе. Повинуясь жесту старшего, они отодвинули тяжелые каменные створки — нечто вроде дверей, скрытой в нише одной из стен. За ней, видимо, находилось еще одно помещение, затянутое густым клубящимся туманом. Сквозь него можно было разглядеть огромный бесформенный силуэт, чудовищный и ужасный; и когда девушка догадалась, кто предстал перед ней, она вскрикнула и потеряла сознание.

* * *

Конан изнывал от скуки и бездействия. Он уже довольно долго просидел в засаде за своей каменной пирамидой, но в башне не замечалось никакого движения, и его чутких ушей не достигал ни единий звук. Однако острый мускусный аромат, который доносили порывы ветра, ясно подсказывал, что обезьяны скрылись именно здесь, в этом массивном строении из цветного камня. И потому киммериец терпеливо ждал, а его рука продолжала непроизвольно сжимать эфес кривой сабли.

Наконец, его долгое и тоскливое ожидание увенчалось успехом: на вершине башни появилась какая-то фигура, облаченная в широкие развевающиеся одежды. Конан зловеще усмехнулся, отложил меч, сбросил с плеча лук и колчан, а затем натянул тетиву. Тонко просвистев в воздухе, стрела вонзилась в грудь стоявшему на площадке башни человеку; без единого звука, не вскрикнув и не застонав, тот покачнулся и полетел вниз головой в казавшееся бездонным ущелье.

Не мешкая, киммериец потянулся к колчану и достал еще одну стрелу. На этот раз ждать пришлось значительно меньше: потом в каменном подножии башни, у самой земли, распахнулась кованная железом дверь, из нее выссыпалась большая стая безволосых обезьян. Они помчались к нему, но рассеявшийся туман теперь не мешал киммерийцу стрелять, и каждый выпущенным им снарядом находил свою цель. Мерзкие твари одна за другой падали с обрыва в пропасть.

На все них, правда, стрел не хватило: когда колчан Конана опустел, на тропе еще оставались две неуклюжие огромные фигуры. Бросившись на них с саблей в руке, киммериец без труда увернулся от неумелого выпада одного из противников и вонзил клинок ему в брюхо. Но со второй обезьяной возникли проблемы: пока Конан пытался освободить застрявшую в мертвом теле окровавленную саблю, он едва избежал сильного удара по голове. Потеряв равновесие, он рухнул на колени в опасной близости от края обрыва. Яростно взывая, обезьяна бросилась на него, пытаясь столкнуть в пропасть, но Конан откатился в сторону, а безволосая тварь, не рассчитав усилия и споткнувшись об его ногу, полетела вниз с обрыва.

Дело было закончено, путь к башне свободен. Преодолев с полсотни локтей, киммериец приблизился к двери, рванул ее на себя — и тут прямо над его плечом просвистел клинок. Реакция опытного воина не подвела и на этот раз: он нырнул в сторону и ответным выпадом поразил врага. На сей раз это оказался человек, а не обезьяна — одетый в черное воин, стоявший за дверью. Сабля Конана пронзила ему горло, и он мгновенно захлебнулся кровью. Склонившись над телом, киммериец присмотрелся к противнику повнимательнее: перед ним лежал высокий, хрупкого сложения мужчина с остановившимся взглядом мертвых глаз, состоявших как бы из одного черного зрачка. Его лицо прикрывала маска из странного, прозрачного, неведомого Конану материала. Повернув ее в руках, он на всякий случай спрятал маску за поясом и шагнул внутрь башни.

Теперь перед ним была широкая, спирально поднимающаяся вверх лестница с истертыми каменными ступенями. Быстро преодолев ее,

киммериец очутился в большом круглом зале, с нишами и каменными дверьми, темневшими в их глубине. У стен зала в неподвижности замерли с десяток существ в черных одеждах, таких же высоких, тонких и хрупких, как убитый у подножия башни человек. Люди эти сжимали в руках клинки с длинными острыми лезвиями, а в самом центре зала возвышался огромный каменный алтарь, и на его гладкой полированной поверхности недвижно застыла нагая красавица.

Великий Кром, то была Шания! Слегка вздымавшаяся при дыхании грудь говорила о том, что девушка еще жива, но находится либо в глубоком обмороке, либо под воздействием какого-то наркотического снадобья.

К Конану повернулись бледные лица с жуткими, пылающими злой ненавистью черными зрачками. Затем молчание нарушил высокий мужчина с голым черепом:

— Зачем ты явился сюда, чужак? Откуда ты? Что тебе надо? Хоть ты и носишь облачение туранского воина, я вижу, что ты — не туранец! Так кто же?

— Конан, туранский ун-баши! Запомни это имя, безволосый! Конан, родом из Киммерии! А теперь вернемся к нашим делам. Я пришел за этой девушкой, и если вы отпустите ее добром, то не буду вступать с вами в ссору и отправлюсь своей дорогой. А не отпустите... Что ж, тогда Кром поглядит, какого цвета у вас печень!

Казалось, предводитель бледнолицых не обратил внимания на эту угрозу. Огляdevши Конана с головы до ног, он произнес:

— Киммерия? Никогда не слышал о такой стране. А раз так, то ее и не существует! Ты, пришелец, похоже, смеешься над нами? Только запомни, что народ вершин не любит шуток!

— А ты запомни, что Киммерия, моя страна, лежит далеко на севере, и что киммерийцы тоже не очень-то любят шутить. И не грози мне! Я могу в одиночку выпустить кишку всей вашей компании!

Конан угрожающи вскинул меч и уставился на безволосого:

— Ну, я жду! Отпусти девушку, отродье Нергала!

— Ты лжешь! — прошипел предводитель, бледнея от ярости. — Там, на севере, за Страной ветров, нет ничего, кроме безлюдных снежных пустынь, где не может жить человек! Я знаю об этом, дикарь, и ты меня не обманешь, толкуя о какой-то Киммерии! А что касается девушки, то она — наша! Наша! Ей предстоит вдохнуть новую силу в древний народ вершин! Она будет вынашивать в своем чреве наследников моего племени. А ты, дерзкий пришелец, тоже останешься здесь навсегда. Ты будешь отдан в жертву Безымянному, могущественному нашему защитнику и

покровителю!

— Сначала попробуй взять меня! — насмешливо ответил киммериец. — Поглядим, кто раньше окажется на Серых равнинах, в царстве Нергала!

Не удостоив его ответом, человек в черном повернулся и ударил в висевший на стене серебряный гонг. По этому сигналу двое его соплеменников бросились к одной из дверей с тяжелыми каменными створками и, напрягая силы, чуть раздвинули их. Открылась узкая щель, и из нее в комнату поползли густые клубы тумана, серого и вязкого, которые мгновенно заволокли все помещение. Мглистая пелена скрыла от глаз киммерийца находившихся в зале людей, но он успел заметить, как все они прижали к лицам прозрачные маски.

Вспомнив об убитом у двери башни охраннике, Конан быстро вытащил из-за пояса такую же маску и прижал к лицу. Прозрачный материал как будто прилип к его коже — и киммериец с немалым удивлением отметил, что теперь способен видеть то, что происходит за пеленой густого клубящегося тумана. Его противники не мешкали; двое из них уже подбирались к нему, занося для удара свои длинные клинки.

Свистнул кривой меч Конана, и битва началась. Не битва, скорее — бойня, ибо у людей в черном не было ни единого шанса на спасение, и они один за другим со стонами и предсмертным хрипом падали под ударами киммерийца. Среди них Конан с удивлением заметил двух женщин — таких же бледных и хрупких. Сперва он пытался лишь уклониться от их оружия, так как на родине его, в Киммерии, не сражались с женщинами; однако эти две ведьмы никак не могли угомониться, и ему пришлось ответить ударом на удар.

Вскоре все было окончено. Конан огляделся; на полу просторного круглого зала валялись трупы, Шания по-прежнему неподвижно лежала на жертвенном камне, и над ней вился туман. Вдруг киммериец заметил, что один из его противников еще жив — бледнолицый с угрозой тянул к нему руку и хрюпал в предсмертной агонии:

— Дикарь... Презренный варвар... Ты уничтожил наш древний народ, но и тебе не избежать мучительной смерти... Сначала ты узишь нашего защитника... узишь его, и это будут последние мгновения твоей жалкой жизни! О, Безымянный! О, великий, дай мне сил совершить это!

Конан в изумлении раскрыл глаза: умирающий невероятным усилием сдвинул с места свое израненное тело и подполз к одной из перекрытых каменными створками двери. Вцепившись в нее, он всем своим весом навалился на створку, потянул, и каменная плита сдвинулась с

пронзительным скрипом.

Глазам киммерийца предстало поистине страшное зрелище: перед ним в густых клубах тумана дергалось и шевелилось жуткое чудище, напоминавшее огромного паука. Туловище с раздутым брюхом, белесым и округлым, как бы готовым брызнуть гноем, поддерживали десяток длинных мохнатых коленчатых лап; над ними грозно подрагивали выставленные вперед челюсти, а маленькие красноватые глазки светились лютоей злобой. Быть может, такие твари обитали на земле в то время, когда неней не было людей, промелькнуло в голове у киммерийца. Сможет ли он противостоять подобному чудищу? Сейчас Конан не задумывался об этом; в первую очередь он хотел спасти девушку. Метнувшись к алтарю, он подхватил безжизненное тело Шании и перекинул ее через плечо; затем, не дожидаясь атаки жуткого монстра, бросился к винтовой лестнице, стремительно скатился по ней вниз, распахнул двери и помчался по узкой тропе. Когда он обернулся, то увидел, что чудовищный паук, резво перебирая своими многочисленными ногами, почти настигает его.

Ему удалось увернуться от первого броска чудовища, и тогда Конан резким и мощным ударом сабли попытался перерубить одну из ног твари. Сталь скользнула по твердой хитиновой броне, лишь разъярив чудовище, и гигантский паук снова бросился в атаку. После нескольких попыток Конан убедился, что его сабля не может пробить панцирь этой многоногой твари. В отчаянии киммериец огляделся, и его взгляд упал на погребальную пирамиду, сложенную из угловатых обломков скал. Камень — тоже оружие, подумал он; затем с усилием поднял над головой огромную глыбу и швырнул ее в чудовище, уже тянувшее к нему мохнатые лапы.

Спас ли киммерийца точный и сильный удар, или помогли древние таинственные заклятия, охранявшие могилы турецких вождей, но жуткая тварь внезапно испустила протяжный предсмертный вопль и рухнула наземь, судорожно дергая длинными лапами.

Не дожидаясь, пока монстр снова поднимется, Конан запустил в него еще одну глыбу, выломав ее из основания пирамиды; потом еще и еще...

Он метал камни не переставая, и когда древняя усыпальница лишилась части своей опоры, каменный холм зашатался и с грохотом рухнул на бьющегося в конвульсиях монстра.

Затем лавина камней скользнула в бездонную пропасть, утащив с собой чудовищного паука.

Устало вытирая капли пота, градом катившего со лба, Конан взглянул на девушку и увидел, что Шания пришла в чувство и отрешенно смотрит на него.

— Где я? И где этот старик со смертельно бледным лицом? Он хотел... хотел отдать меня... — Девушку передернуло от отвращения.

Конан успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Можешь не бояться, красавица, я выкурил из логова всех этих бледных гадюк. А того зверя, что так тебя напугал, я отправил в пропасть — вернее, он сам отправился туда. Вообще-то тебе повезло, моя красотка! Задержись я еще немного...

В глазах дочери вождя козгarov вновь появился непримиримый блеск.

— Ты слишком много вообразил о себе, дикарь! Я и сама справилась бы с мерзавцами... да, справилась бы, если б удалось выиграть немного времени. А там бы и отец подоспел со своими воинами!

Киммериец только усмехнулся в ответ.

— Отец, говоришь? С воинами? Да если бы они и нашли путь к башне сквозь эту проклятую мглу и не попались в ловушки голозадых обезьян, то, думаю, у паука вышел бы неплохой ужин из твоих козгарских воинов! Мне ведь повезло, что я нашел оружие, способное одолеть эту тварь, а копья, стрелы и мечи против нее бессильны! — Он покачал головой и протянул девушке мускулистую руку. — Ну, ладно, вставай! Слишком мы тут болтались, а мне надо торопится, я давно уже должен быть в Самарре. И пока мы пробираемся через земли козгarov, мне по-прежнему не помешает заложница. Так что идем, красотка!

Шания внимательно посмотрела на великана-киммерийца, стройный силуэт которого вырисовывался на темном пологе звездного неба.

— Тебе больше не нужна заложница, северянин; я сама проведу тебя по нашим землям. В конце концов ты в самом деле спас мне жизнь, так что моя помощь будет за это не слишком большой наградой.

Внезапно тон ее изменился, в голосе появились грудные бархатистые нотки, ласковые и нежные, как пух одуванчика. Брови Конана удивленно приподнялись.

Глядя на него, девушка сказала:

— Мы пойдем с тобой на запад, к закату солнца, а по дороге ты мне расскажешь о своей далекой северной стране. Я думаю, это будет очень увлекательная история... И мы можем не торопиться в Самарру!

Опираясь на руку киммерийца, она легко поднялась на ноги. Солнце, садившееся за горы, озаряло алыми лучами ее прекрасное обнаженное тело и яркими искорками отсвечивало в глазах.

Конан не мог отказать себе в удовольствии вдоволь налюбоваться этим чудесным зрелищем. Он кивнул:

— Ты права, красавица, мы можем не торопиться в Самарру. Клянусь

чеслами Крома, хорошая мысль! В конце концов, что сделает мне тысячник за опоздание? А наше путешествие и впрямь обещает стать приятным!